

Осень за городом

СОБЕСЕДНИК

Поселок Устье всего в полчаса езды от Ярославля. Места изумительные, лес, река, чистый воздух. Если к этому прибавить добротный и просторный деревянный дом в два этажа, окруженный ухоженным садом с изящными цветниками, банькой и склонившейся над небольшим прудом ивой, то, казалось бы, о чем еще мечтать человеку, удалившемуся от дел на заслуженный отдых?

— Я давно взял на вооружение французскую поговорку, утверждающую, что «осень жизни должна быть незаметной», но от себя всегда прибавляю: «и деятельной», — делится с нами своими взглядами Александр Семенович Разживин, двенадцать лет возглавлявший Ярославское управление КГБ, а ныне пребывающий в статусе пенсионера генерал, не покладая рук трудится по хозяйству. — Вот я хоть и прибалывал, но дал себе задание: посадить березы вдоль забора. Теперь у меня целая аллея. Подрастут — площадку разровняю и песочком посыплю. Это место должно понравиться чернике, грибам и ландышам.

Планов громадье, но отнюдь не заботы по дому и саду послужили поводом для нашего знакомства, а вышедшая нынче осенью в издательстве «Нюанс» книга его автобиографических очерков, которая так и называется «Генерал Разживин: О времени и о себе». Ее презентация состоится 20 декабря, в День работника органов госбезопасности.

Событие, прямо скажем, неординарное, ведь впервые в истории областного управления ФСБ публикуются воспоминания его бывшего руководителя. Поначалу даже планировалось выпустить их к 70-летию Управления, в апреле. И хотя некоторые обстоятельства тому помешали, не тот характер у генерала Разживина, чтобы отказываться от задуманного.

— Вот здесь, за этим столом, четыре месяца по 12 часов ежедневно сидел и писал.

Мы беседуем в светлой просторной гостиной, сидя за большим круглым столом. Под ним спряталась Лора, французский бульдог, еще несколько минут назад у калитки она сурово облаяла нас с фоторепортером, а теперь тычется в ноги и порыкивает, требуя, чтобы ее гладили вместо того, чтоб болтали.

— Вот, четыре раза все переделывал, а жена с дочкой переписывали, правили. Валентина Афанасьевна у меня 25 лет в школе русский язык и литературу преподавала, потом библиотекой заведовала, а Наташа долгое время работала корректором в газете в Архангельске. Так что вся семья была при деле.

— А что за основу взяли — прежние какие-то записи, личные дневники?

— Нет, ничего такого не было, книга построена на воспоминаниях. Все чекистские моменты — действительные. Ничего не придумывал. Но писать о контрразведке, не затрагивая какие-то чисто человеческие моменты, невозможно, поэтому вошли в книгу и воспоминания о людях, с которыми довелось служить, работать, встречаться. А что касается политической и этической окраски, то от оценок старался воздерживаться, я не вправе судить.

— Это замечание относится и к вашим взаимоотношениям с Федором Ивановичем Лощенковым, которые, как известно, были довольно сложными?

— Да уж, дважды он мне генеральское звание «закостил»... Но я зуба на него не держу, напротив очень уважаю за принципиальность. Дело в том,

что в советское время положение органов госбезопасности на местах зависело от отношения первого лица. У нас первым секретарем обкома был Федор Иванович. Будучи назначен в Ярославль на должность начальника УКГБ в 1980-м, я попал как «кур в оципл». Лощенков хотел видеть на этом посту своего человека, возил кандидатов в Москву, только ни один из них не прошел. Я об этом даже не знал, а он встал в позу. Наша первая встреча длилась не более пяти минут. Меня представили в его каби-

вор. «Проходите», — говорит она. «Так у меня удостоверения нет», — отвечаю. «Я уже знаю, что вы начальник Управления». «Но вы же на посту, должны исполнять инструкцию независимо от звания и должности входящих». Позвонил начальнику милиции, а тот сетует на нехватку кадров. Но со следующего дня на посту вместо тети со спицами уже сидели добры молодцы. Они пропускали всех без документов, а у меня обязательно проверяли. Ну что тут сказать?

А вообще в плане криминальной обстановки Ярославская область на фоне других выглядела довольно спокойной. Здесь не было, по крайней мере, за мой период работы особо тяжких преступлений, громких уголовных дел. Но в других моментах ярославцы преуспели, это такие выдумщицы. Вот, например, рэкет — явление, получившее потом

распространение по всему СССР, был изобретен здесь. Один из первых случаев 1987 года я описал в книге. Первый подпольный порносалон — в квартире порнофильмы крутили, тоже у нас выявили — в Рыбинске. А что касается общественно-политической жизни, то Ярославль всегда был впереди планеты всей. Первая в стране организованная забастовка рабочих состоялась в 1989 году на Ярославском моторном заводе.

— Теперь понятно, почему самый большой раздел книги посвящен ярославскому периоду вашей службы...
— Да, во-первых, потому, что работал я здесь довольно долго, 12 лет, с 1980 по 1992 годы возглавлял Управление КГБ. А во-вторых, это был очень сложный период, очень насыщенный событиями. Особенно с 1988 года. Для нас, сотрудников органов госбезопасности, это было по-настоящему смутное время. Вечером приходишь с работы и не знаешь, что тебя ждет утром. Я осознавал всю полноту ответственности за каждое слово, когда писал о тех событиях, о людях, принимавших в них участие. Ведь и сейчас они живы и продолжают работать, поэтому никакие отклонения в описании тех событий недопустимы. Действительно, листая книгу, даже человек, далекий от политической и общественной жизни тех лет, найдет много знакомых имен. Например, Ирина Скороходова, ныне вице-губернатор Ярославской об-

ласти, а в начале девяностых — корреспондент областного радио. Александр Семенович описывает эпизод, как она пришла брать у него интервью в первый день ГКЧП.

В связи с теми же событиями упоминается и Александр Цветков, депутат Госдумы области, а тогда один из активистов Народного фронта. В дни ГКЧП он отсутствовал, вернувшись в Ярославль, «развил активную деятельность», — пишет Разживин. — Стал искать уязвимые места в поведении руководства УКГБ и, как ему показалось, нашел». В частности потребовал объяснить, на каком основании установлены камеры наблюдения за афишной тумбой в Торговом переулке, полагая, что это дело рук КГБ. Ему ответили, что это видеокамеры транспортной службы для контроля прохождения маршрутных автобусов. «Если не верите, разбейте их, а за

(свою, сына и дочери) выращиваем, на зиму и варенья, и соленья — все есть, — потчуй нас, рассказывала жена генерала. — Домашнее — это и вкусно и полезно, и большое подспорье. Нынче яблочного сока больше ста литров заготовили.

А еще Валентина Афанасьевна оказалась... заядлым рыболовом.

— Просто беда с ними, как уйдут с Лоркой после обеда, так до десяти вечера их и нет, — сетовал Александр Семенович.

— Да это он завидует, вот и ворчит, — парировала жена. — Сам ведь с детства рыбачил, с тринадцати лет на охоту ходил — в книжке об этом тоже написано. Мы всегда с мясом были. А меня этой страстью с дочкой сидеть заразил, такое занятие, я вам скажу, необыкновенное! Как время свободное есть — на реку иду, здесь Итьрядом и Волга, сегодня с утра окуньки были... А у Александра Семеновича ноги болят, далеко теперь ходить не может, так сын, когда приезжает, его на машине отвозит порыбачить.

Тем временем наполнили по третьей.

— За тех, кто в море, на вахте и в морском дозоре, за Максимку, — произнес тост хозяйин, — не чокаюсь.

Внук Разживиных Максим Рванин служил на печально известной подлодке «Курск». «Таких субмарин нет вообще нигде! У нас четыре степени защиты, экипаж спасется в любой ситуации», — восторженно рассказывал он деду, приезжая в гости. «И вот нет больше лучшей субмарины, нет лучшего экипажа, — пишет потом тот в своей книге. — У Родины, которой они служили, не оказалось ничего для их спасения. Перед походом экипажу даже не выдали нищенскую зарплату (оклад две тысячи рублей). Это спасло жизни двум подводникам, оставшимся получать деньги морякам «Курска».

— Было много лжи про обстоятельства гибели «Курска», сказали бы сразу правду, родным было бы легче пережить горе, — считает Александр Семенович.

Сам он всегда следовал принципу — говорить только правду и писать тоже. Это трудно проверить, прочитав автобиографические очерки генерала КГБ. Правда, не считая нескольких книг, оставленных в семье, весь тираж передан автором Ярославскому управлению ФСБ, но два экземпляра по закону об издательской деятельности отправлены в областную библиотеку, и один — подарен «Северному краю», к числу постоянных подписчиков которого относятся и Разживины. Александр Семенович, хоть и живет вдали от городского шума и суеты, в курсе всех происходящих событий. Свежий номер «Северного» всегда под рукой.

— А вот я сейчас тебя газетой-то хлопну, — замахивается он на Лорку, позволившую себе излишнюю вольность в отношении гостей. Та смиренно оставляет попытку забраться ко мне на колени. Что и говорить, пресса — мощное орудие воздействия.

Мы прощаемся с радушными хозяевами, сожалея о том, что не осталось времени посмотреть зимний сад Валентины Афанасьевны, ее ручные вышивки, порасспросить Александра Семеновича об его охотничьих трофеях, украшающих стены дома, обсудить проблему газификации села, очень остро стоящую в Устье... Лора тоже идет нас провожать и, как и при встрече, лает у калитки, но уже совсем не сердито.

Ирина КОСУЛЬНИКОВА.

Фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ